

СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ ТА ФІЛОСОФІЯ ІСТОРІЇ

УДК 101.1:316

ДИАЛЕКТИКА ГЛОКАЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

© Анохина В. В.

Статья посвящена исследованию феномена глокализации как специфического социокультурного тренда в динамике современной культуры. В ней осуществлен сравнительный анализ новейших концепций глокализации, эксплицированы основные характеристики данного понятия. Раскрывая специфику глокализации как противоречивого механизма глобализации культуры, автор статьи обосновывает ее связь с процессами детерриторизации социальных отношений, гибридизацией культурных традиций и социальных практик глоболизирующихся обществ.

Ключевые слова: глокализация, глобализация, культурная традиция, детерриторизация, гибридизация, динамика современной культуры.

Постановка проблемы. Исследуя специфику феномена глокализации в контексте современных форм динамики культуры, следует отметить, что в научной литературе пока нет устойчивой дефиниции этого термина, что указывает на незавершенность становления понятия «глокализация» в философском и социально-гуманитарном познании. Как показывает этимологический анализ, термин «глокализация» (англ. «glocalization») является продуктом комбинации двух слов «globalization» (глобализация) и «localization» (локализация) [9, с. 134]. Впервые на английском языке термин «глокализация» был использован профессором Роландом Робертсоном из Питтсбургского университета, который в 90-е гг. XX в. занимался компаративными исследованиями в области социологии религии Японии. Там он и перенял маркетинговый термин «глокализация», которым японские эксперты-маркетологи именовали свою стратегию «укоренения» продуктов питания, выпускаемых японскими транснациональными корпорациями, на местных, локальных рынках Юго-Восточной Азии [5]. Несомненной заслугой Р. Робертсона можно считать реинтерпретацию термина «глокализация» в социокультурном контексте глобализационных исследований. Профессор социологии из Национального университета Сингапура Хабибуль Хондкер отмечает, что укоренение этого понятия в социально-философских, культурологических и социологических исследованиях глобализации позволило выйти за рамки макро-социологического анализа глобальных изменений и предоставило концептуальные средства для описания сложных «макро-микро» социальных отношений, которые порождает глобализация в мультикультурном мире [5].

Существенный шаг в углублении смысла этого понятия сделали такие известные теорети-

ки глобализации, как С. Хантингтон, Э. Гидденс, Дж. Ритцер, Я. Недервеен Питерс, А. Аппадурраи, М. Уотерс и др. Именно в работах этих авторов термин «глокализация» стал рассматриваться в связи с анализом новых трендов социокультурной динамики, обусловленных вызовами «общества риска» и особенностями «позднего» модерна. Цель статьи: раскрыть сущность глокализации и основные современные модели соотношения глокализации и глобализации.

Обсуждение основного материала исследования. Сравнивая между собой различные трактовки глокализации, представленные в работах вышеназванных авторов, а также анализируя теоретико-методологические особенности основных подходов к исследованию глобализации культуры, можно сделать вывод, что к настоящему времени сложились четыре основных модели, описывающие соотношение глобального и локального, универсального и партикулярного в культуре «позднего» модерна. Рассмотрим каждую из них более детально.

1) В качестве первой, можно выделить **модель унификации** культурно-информационного пространства, которая описывает преимущественно деструктивные культурные процессы, имеющие место в современных социумах, стоящих перед вызовами глобализации и испытывающих давление глобальных медиа и сетевых технологий коммуникации. Такое понимание соотношений глобального и локального восходит к первоначальному, экономически детерминированному смыслу феномена глокализации, который прочно укоренился в современной литературе, означая способность глобальных производителей товаров и услуг подстраиваться к специфике местных культурных предпочтений, трансформируясь в регионально приемлемые формы. Транснациональные корпорации, асси-

милируя новые векторы глобальной социодинамики, пропагандируют глокализацию в качестве стратегии создания в различных регионах планеты новых производств. В 2001 году даже была образована первая глокальная организация – Glocal Forum, целью которой стала оптимизация мирового развития, предполагающая повышение внимания к локальным проблемам, а также поиск гармоничных форм сочетания глобальных тенденций и местных особенностей. Акцентируя актуальность этой тенденции современной социодинамики и отмечая характерную для нее амбивалентность, А. И. Зеленков вполне обоснованно заключает, что в ней явно обнаруживает себя «имманентно противоречивая природа глобализации, объединяющая в себе радикально противоположные процессы и их социокультурные импликации» [1, с. 5]. В контексте первой модели глокализация может трактоваться как повсеместно распространенная тенденция глобализации, проявляющаяся в различных вариантах регионализации мировой экономики.

Как специфическое отношение между глобальным и локальным трактует глокализацию Джордж Ритцер, полагая, что последняя является специфическим дополнением глобализационных трендов, которые несут в себе императивы роста, принуждающие «организации и нации расширяться в глобальном масштабе и возобладать над локальным» ростом экономической и политической власти субнациональных образований [7, с. 13]. Согласно Дж. Ритцеру, глокализация проявляется, прежде всего, как коммодификация, или «макдональдонизации» мира, навязывая другим цивилизациям вестернизированные социальные институты и американскую (неолиберальную) идеологию консьюмеризма. В глобализационных штудиях Энтони Гиденса соотношение между глобальным и локальным рассматривается с точки зрения порождаемой глобальными изменениями унификации культуры, которая ставит под угрозу локальные социокультурные идентичности. Согласно автору концепции «текучей» современности, глобализация сталкивается с реактивным сопротивлением национальных культур и способствует возрождению локальных идентичностей [4, с. 31], что становится источником межкультурных социальных конфликтов.

2) В качестве второй модели выделим концепцию *дифференциации (фрагментации)* социокультурных пространств глобализирующихся обществ. Также, как и предыдущая, она ориентирована на экспликацию причин и факторов негативных проявлений глобализации. Ее теоретико-содержательным основанием можно считать идею «столкновения цивилизаций»

С. Хантингтона, а также целый ряд геополитических трактовок глобализации, в центре которых находится идея «ливанизации», или «балканизации» современных, раздираемых военными, религиозными и этноплеменными конфликтами обществ.

Сам основатель концепции глокализации как направления социокультурных, а не экономических, исследований – профессор Р. Робертсон – рассматривает последнюю как специфическую тенденцию глобализации культуры, анализируя ее проявления сквозь призму категориальной дихотомии «универсализм/партикуляризм». Он метафорически определяет глокализацию как процесс «универсализации партикуляризации и партикуляризации универсализации» [8, с. 100]. Полагая, что глобальные и локальные тенденции взаимно дополняют и сложным образом проникают друг в друга, он, в тоже время, подчеркивает неизбежность их столкновения в тех или иных конкретных ситуациях. Подобным образом понимает глокализацию и Х. Хондкер, определяя ее как взаимопроникновение процессов макролокализации и микроглобализации [5]. Он отмечает, что глокализацию не следует трактовать исключительно как консервацию специфичности и традиционности локальных культур в условиях вызовов глобализации. Напротив, речь идет о том, что посредством глокализации локальные особенности культур непосредственно выводятся в мир глобальных взаимодействий, минуя границы национальных государств.

Собственно, именно в этой тенденции транснационализации социальных отношений и заключается взрывной, или конфликтный потенциал глокализации. Государства, даже тоталитарные, постепенно утрачивают монополию на стандартизацию своей информационной среды и перестают быть специфическим «контейнером» национальных социокультурных пространств, которые проницаемы для электронных медиа. Появление свободных экономических зон, глобальных городов, гораздо теснее связанных друг с другом, чем с государствами, на территории которых они располагаются, создает специфическую детерриторизованную социальную структуру, адсорбирующую в себя многообразие локальных культурных форм и глобальных моделей их взаимодействия. Межкультурные коммуникации теряют непосредственную связь с региональными и межстрановыми взаимодействиями, они все более втягиваются в орбиту сетевых структур виртуальной реальности, продуцируемой Интернет-технологиями и новыми транснациональными медиасистемами.

3) Одной из наиболее эвристичных моделей, позволяющих выделить перспективные тренды глобализации культуры, является, с точки зрения автора, третья концептуально-теоретическая конструкция – *модель гибридизации*, основанная на идее культурного синтеза голландского социолога Я. Недервеена Питерса («Globalization and culture: global mélange») [6]. Отличительной особенностью его концепции можно считать изменение точки зрения на саму глобализацию. Если большинство социальных теоретиков рассматривают глобализацию в узких временных рамках пяти последних десятилетий, то Я. Недервеен Питерс пытается представить последнюю с точки зрения междисциплинарного взгляда (социологии, политической экономии, компаративистики и культурной антропологии) как долговременный тренд развития человеческой культуры, связанный с тысячелетними миграциями населения Земли, последствия которых особенно ярко начинают проявлять себя с эпохи Великих географических открытий – эры западной экспансии в другие регионы планеты, межконтинентальной миграции и колониализма. С точки зрения такой временной перспективы, глокализация выглядит как процесс непрерывного смешения и гибридизации культур.

В наше время, считает Я. Недервеен Питерс глокализация скрещивает и делает проницаемыми «границы между правительством и бизнесом, средствами массовой информации и общественными движениями, повседневными и академическими интересами. Глобализация, как политический вызов, проходит сквозь весь идеологический спектр, вовлекая в борьбу различные социальные движения и политику всех уровней. Она порождает парадигмальный сдвиг от эпохи национальных государств и международных отношений к политике глобального масштаба» [6, с. 7]. Ученый отмечает многомерный и внутренне противоречивый характер глобализации, динамика которой на каждом последующем историческом витке характеризуется серией новых противоречий, и попытки их разрешения становятся своеобразным двигателем мирового развития, определяя специфику следующих стадий.

Его представления о гибридизации культуры во многом обусловлены особенностями нынешней фазы глобализации, получившей именование «позднего», или «радикального» модерна (Э. Гидденс). Согласно Я. Недервеену Питерсу, специфику современной социокультурной ситуации определяют смешения стилей, композиций, образов жизни, обусловленные синергией разнородных форм знания, ценностей и взаимными влияниями разных культур. Поскольку центр мировой экономики перемещается на глобали-

зированный Юг, в новые индустриальные страны, то именно региональные культурные тренды будут оказывать все более заметное влияние на глобальные тенденции. Так, «если во второй половине XX в. глобализация совпала с “американским веком”, а период с 1980 по 2000 был периодом доминирования англо-американского капитализма и гегемонии США, то глобализация XXI века обнаруживает иную динамику» [6, с. 22]. «Восточный вектор образует волновой культурный эффект, – пишет исследователь. – Поскольку основными рынками становятся страны глобального Юга с развивающейся экономикой, то производители, маркетологи и СМИ во всем мире пытаются встроиться в их культурный горизонт. Два типа отношений будут определять глобальную политическую экономию в ближайшие годы – это отношения между развивающимися обществами и Западом, и между экономикой стран Восточной Азии и экспортерами природных ресурсов. Помимо всего остального, они представляют собой два основных вихря гибридизации и смешения: “Юг – Север” (а не “Север – Юг”, как было в прошлом), и “Восток – Юг”, или “Юг – Юг”» [6, с. 22–23].

Как видим, модель гибридизации, с одной стороны, противостоит широко распространенному взгляду на глобализацию как гомогенизацию «жизненных миров» глобализирующихся обществ и распространение унифицированной массовой культуры. С другой стороны, она провоцирует дискуссию с альтернативной точкой зрения, согласно которой именно глобализация является основным источником социокультурных конфликтов, начиная от противостояния локальных идентичностей до столкновения цивилизаций. Логика данной модели устремлена к поиску конструктивных форм взаимодействия глобализирующихся культурных миров, которые не обязательно должны распадаться на враждебные по отношению друг к другу фрагменты («балканизация» культуры), а также, глобализация вовсе не обязательно будет приводит к тотальной коммодификации культурно-информационных пространств и консьюмеризации социальных отношений.

4) Несомненную ценность для современных исследований представляет также четвертая конструкция – *модель детерриторизации*, теоретико-содержательное основание которой разработано А. Аппадурой и М. Уотерсом. Идеи, лежащие в основании этой модели соотношения глобального и локального, были обоснованы Арджуной Аппадурой в книге «Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization» (1996) и Малькольмом Уотерсом в работах и

статтях середини 90-х годов прошлого века, посвященных анализу глобализации [3; 10]. Критически отстраняясь от методологии «миросистемного» анализа И. Валлерстайна, А. Аппадурои полагает, что важнейшие особенности глобализации обнаруживают себя не столько в глобальных циклах мировой экономики и торможениях позднего капитализма, сколько в культурных изменениях, проявляющихся в динамике ее символического поля. Основным культурным проявлением глобализации он считает дистанцирование социальных отношений и социальных процессов от конкретных локусов физического пространства, т.е. детерриторизацию социокультурной реальности.

Вследствие такого отрыва «глобальный культурный поток» дифференцируется не по ценностно-символическим критериям, исходящим из культурных традиций, а согласно логике измерений самой глобализации. В итоге формируется пять динамических «ландшафтов» глобализации: *этнический*, который образуется международными потоками туристов, миграциями беженцев и гастарбайтеров; *технический*, который формируют потоки инновационных технологий, растекающиеся по всему миру из нескольких мировых центров-производителей; *финансовый*, связанный с завихрениями потоков капитала; *медиа-ландшафт*, формируемый символическими потоками образов, создаваемых глобальными телемедийными концернами и распространяемых посредством сетевых Интернет-технологий; наконец, *идеологический* ландшафт, который является последствием современных кибервойн, формируется пропагандой и слагается из потоков конкурирующих между собой идеологем.

Поскольку отношения «глобального» и «локального» в рамках этой модели выступают как отношения «воображаемых миров» (Б. Андерсон), или коллективных мыслительных конструкций, то осмысление их диалектики может осуществляться только феноменологически (ведь речь идет о смысловом измерении социальной реальности, так называемых, «социальных феноменах»). Поэтому можно согласиться с утверждением белорусского исследователя В. Н. Фурса, что «новая культурная экономия должна рассматриваться как сложный, перекрывающийся дизъюнктивный порядок, который уже не может быть понят в терминах существующих моделей «центра-периферии» (даже тех, которые могли учитывать множественность центров и периферий)» [2, с. 61–62]. Сам А. Аппадурои называет свои образы текучих символических ландшафтов «строительными блоками» «воображаемых миров», в которых

формируется принципиально новый тип социальных отношений, не привязанных к территориям национальных государств и базирующихся на символическом обмене, что в целом соответствует логике информационной цивилизации будущего [3].

Четвертая модель позволяет увидеть, как локальное заявляет о себе посредством дискурса этнической, религиозной, языковой, и просто «местной», или территориальной, идентичности; каким образом локальность культуры, ее «укорененность» в исторически определенных традициях и практиках, обнаруживается в социальных взаимодействиях, формируя новые конфигурации социальной солидарности и потрясая социальный порядок обществ «modernity» новым национализмом, религиозным фундаментализмом и другими формами социального экстремизма. Благодаря этой модели высвечивается тот факт, что в эпоху глобализации «локальное» конструируется из материала все тех же символических потоков, образующих «глобальный ландшафт» современного мира. Поэтому локальное и глобальное, как убедительно показывает А. Аппадурои, одинаково детерриторизованы.

Согласно результатам исследований М. Уотерса, определяющими факторами связи различных форм социальной организации с территорией являются доминирующие типы обменов [10]. В доиндустриальную эпоху безусловной доминантой была материальная форма обмена, поскольку аграрное общество, основанное на натуральном хозяйстве, осваивало конкретную природно-географическую среду как субстанциональное основание всей системы общественного воспроизводства. В эпоху индустриализма ресурсы становятся возможным привозить издалека, поэтому специфика связи социальной организации общества с физическим пространством начинают определять политические отношения, потенциал которых наиболее полно реализуется в системе национального государства с присущим ей институтом границ. Доминирование политической формы обмена порождает тенденцию к интернационализации социальной организации посредством формирования союзов, блоков и международных ассоциаций. По мере расширения масштабов глобализации заметную роль начинают играть символические формы связи, поскольку, благодаря новым информационным технологиям и средствам коммуникации, места жительства и работы более не привязаны к конкретной территории. Символические формы обмена стремятся к окончательному высвобождению социальных отношений от связи с территорией, что и создает

эффект конфликта между глобальным и локальным. Именно поэтому важнейшим противоречием глобализации является не дихотомия «глобального/локального», а разрушение прямых связей между социальной организацией и территориальными локусами национальных государств.

Выводы. Таким образом, в основе современных трактовок феномена глокализации лежит идея многополярного, более справедливого и децентрализованного мира. Глокализация, как специфическая модель культурной динамики, формируется на основе сетевых форм общественной самоорганизации и электронных видов коммуникации. Сравнительный анализ основных ее концепций показывает, что характерные для глокализации соотношения глобального и локального, универсального и партикулярного не так однозначны, и не приводят автоматически к устранению культурного разнообразия и стандартизации образа жизни людей в различных регионах планеты.

Наряду с конфликтами, глобализация культуры может порождать новые формы социальных хронотопов, оригинальные комбинации традиций и новаций, интегрируя в старые этнонациональные образования новейшие тренды культурной динамики, и формируя локальные транснациональные сообщества, не привязанные к локусам территории, но возникающие в недрах виртуального пространства всемирной паутины. То, каким образом проявляет себя глокализация в конкретном обществе и культуре, зависит от сознания и деятельности социальных субъектов, задающих специфику своей социальной организации посредством разнообразных, ценностно ангажированных форм социальной практики. Глокализация становится инновационной формой сосуществования множества самобытных народов, традиций и культур в условиях глобализации. Именно поэтому она связана с необходимостью открытого диалога культур и становлением новой логики межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Зеленков, А. И. Блеск и нищета глобализации / А. И. Зеленков // *Философия и социальные науки*. – 2013. – № 3–4. – С. 4–12.
2. Фурс, В. Н. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации / В. Н. Фурс // *Социологическое обозрение*. – 2003. – Том 3, № 4. – С. 57–66.
3. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / Arjun Appadurai. – Minneapolis, Minn. : University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.
4. Giddens, A. *Runaway World. How Globalization Is Reshaping our Lives* / Antony Giddens. – New York: Routledge, 2002. – 124 p.
5. Khondker, H. H. *Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept* [Electronic resource] / Habibul Haque Khondker // *Bangladesh e-Journal of Sociology*. – July, 2004. – Vol. 1, No. 2. – Mode of access: https://mukto-mona.com/Articles/habibul_haque/Globalization.pdf. – Date of access: 15.12.2015.
6. Nederveen Pieterse, J. *Globalization and culture: global mélange* / Jan Nederveen Pieterse. – 2nd ed. – Lanham, Md: Rowman & Littlefield, 2009. – 183 p.
7. Ritzer, G. F. *The Globalization of Nothing* / George F. Ritzer. – L.: SAGE Publications Ltd, 2007. – 264 p.
8. Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture* / Robert Robertson. – L. : SAGE Publications Ltd, 1992. – 224 p.
9. *The Oxford Dictionary of New Words: A Popular Guide to Words in the News Hardcover* / by Sara Tulloch. – L.: Oxford University Press, 1991. – 336 p.
10. Waters, M. *Globalization* / Malcolm Waters. – 2nd ed. – London, New York : Routledge, 2001. – 248 p.

REFERENCES

1. Zelenkov, A. I. *Blesk i nishcheta globalizatsii* / A. I. Zelenkov // *Filosofiya i sotsial'nyye nauki*. – 2013. – № 3–4. – S. 4–12.
2. Furs, V. N. Arjun Appadurai. «Sovremennost'» na prostore: kul'turnyye izmereniya globalizatsii / V. N. Furs // *Sotsiologicheskoye obozreniye*. – 2003. – Tom 3, № 4. – S. 57–66.
3. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / Arjun Appadurai. – Minneapolis, Minn. : University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.
4. Giddens, A. *Runaway World. How Globalization Is Reshaping our Lives* / Antony Giddens. – New York: Routledge, 2002. – 124 p.
5. Khondker, H. H. *Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept* [Electronic resource] / Habibul Haque Khondker // *Bangladesh e-Journal of Sociology*. – July, 2004. – Vol. 1, No. 2. – Mode of access: https://mukto-mona.com/Articles/habibul_haque/Globalization.pdf. – Date of access: 15.12.2015.
6. Nederveen Pieterse, J. *Globalization and culture: global mélange* / Jan Nederveen Pieterse. – 2nd ed. – Lanham, Md: Rowman & Littlefield, 2009. – 183 p.
7. Ritzer, G. F. *The Globalization of Nothing* / George F. Ritzer. – L.: SAGE Publications Ltd, 2007. – 264 p.

8. Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture/ Roland Robertson*. – L. : SAGE Publications Ltd, 1992. – 224 p.
9. *The Oxford Dictionary of New Words: A Popular Guide to Words in the News Hardcover / by Sara Tulloch*. – L.: Oxford University Press, 1991. – 336 p.
10. Whaters, M. *Globalization / Malkolm Whaters*. – 2nd ed. – London, New York : Routledge, 2001. – 248 p.

АНОХІНА В. В. - кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології Білоруського державного університету (Мінськ, Республіка Білорусь)

E-mail: dr.v.anohina@gmail.com

ДИАЛЕКТИКА ГЛОКАЛИЗАЦІЇ В ЕПОХУ ПІЗНЬОГО МОДЕРНУ

Стаття присвячена дослідженню феномену глокалізації, як специфічного соціокультурного тренду в динаміці сучасної культури. У ній здійснено порівняльний аналіз новітніх концепцій глокалізації, експліковані основні характеристики цього поняття, які розкривають специфіку глокалізації, як протирічного механізму глобалізації культури. Автор статті обґрунтовує її зв'язок з процесом і детериторізації соціальних відносин гібридизацією культурних традицій та соціальних практик глобалізуючих суспільств.

Ключові слова: глокалізація, глобалізація, культурна традиція, детериторізація, гібридизація, динаміка сучасної культури.

Anohina, Victoria, PhD in Social Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

E-mail: dr.v.anohina@gmail.com

DIALECTICS OF GLOCALIZATION IN THE LATE MODERN AGE

This article explores modern interpretations of the phenomenon of glocalization that is based on the idea of the multidimensional, more just and decentralized world. Globalization as a specific model of cultural dynamics is formed on the basis of network forms of social self-organization and electronic forms of communication. It is noted that to date there have been four models describing the correlation between global and local, universal and particular in the culture of "late" modernity. The first is unification's model of the cultural and information space describes the destructive cultural processes in modern social, that is faced a challenges of globalization and experiencing pressures of global media and network communication technologies. In the context of the first model, glocalization appears as the general globalization's trend that is manifested in different variants of the regional world economy. The second model is the differentiation of socio-cultural spaces that is focused on the explication of the causes and factors of negative globalization's manifestations. The third model is hybridization, in which glocalization appears as a process of continuous mixing and hybridization of cultures. The fourth model is deterritorialization. It contains the main cultural manifestation of globalization – the distancing of social relations and social processes from specific loci of physical space. As a result, the article notes five dynamic "landscapes" of globalization are formed: ethnic, technical, financial, media landscape, ideological. Summarizing the views on the essence of the above-mentioned models, the author argues that glocalization is becoming an innovative form of coexistence of a multitude of original peoples, traditions and cultures in the context of globalization.

Keywords: glocalization, globalization, cultural tradition, deterritorialization, hybridization, dynamics of modern culture.

Рекомендовано до публікації д-р філос. наук, проф. Пунченко О. П.

Дата надходження рукопису 10.01.2017